

Движения мужчины были изящными и плавными, его руки — белыми и красивыми, с четкими, пропорциональными, но не выпирающими суставами, пальцы длинные, прямые и сильные, выглядели невероятно приятно для глаз.

Идеальные руки пианиста. Янь Жунцю невольно подумал.

Однако на костяшках пальцев едва виднелись несколько бледных шрамов, похожих на старые следы от драк. Вспомнив, как Хэ Чжу жестоко избивал Цзяна Юйнина, нетрудно было понять, откуда они взялись.

Казалось, в этом человеке сочетались несколько совершенно противоположных черт. Молчание и ярость, скромность и напористость, покорность и свободолюбие — трудно было понять, что из этого было иллюзией, а что — истинной сущностью.

Говорят, жизненный опыт человека сильно влияет на его будущий характер и привычки. А что насчет Хэ Чжу? Если подумать, кроме той ночи в Сихэнчжоу, Янь Жунцю, кажется, никогда не слышал, чтобы тот упоминал что-либо о своей семье.

И в его доме не было ни малейшего следа, связанного с родственниками.

Все было чисто, настолько чисто, что даже если бы он внезапно исчез, никто бы этого не заметил.

— О чем вы думаете?

В ушах внезапно прозвучал низкий, приятный голос Хэ Чжу.

— Ни о чем, — подняв ресницы, Янь Жунцю встретился взглядом с глазами мужчины, которые тот обычно тщательно скрывал, — Конфета вкусная?

— Почему вы вдруг спросили об этом? — пальцы Хэ Чжу на мгновение замерли. — Персиковый вкус, очень сладкая.

Слишком сладкая. Ему бы хватило и легкой сладости, чтобы удовлетвориться. Такая же степень сладости казалась почти чрезмерной роскошью.

— Готово.

Изысканный, почти витиеватый узел успешно сформировался и лег на шею Янь Жунцю.

— Это называется узел Эддриджа, его особенность — пышная форма и ощущение слоистости, словно нераспустившийся бутон розы, — равнодушно произнес Хэ Чжу.

Он тебе очень идет.

Поскольку галстук был завязан заново, Янь Жунцю ожидал, что Хэ Чжу сразу же отступит, но у того не было такого намерения. Вместо этого он принялся тщательно поправлять складки его одежды, от плеч до ворота, сглаживая каждый сантиметр с осторожностью.

Хэ Чжу был так высок, что, хотя его фигура также была стройной и изящной, в целом он был на размер больше Янь Жунцю. Тот чувствовал себя почти полностью во власти другого, позволяя ему распоряжаться собой.

Он пытался игнорировать это чувство, но не мог, никак не мог отгородиться от мощного

присутствия этого человека.

Похоже, чтобы поправить воротник сзади, Хэ Чжу слегка наклонился вперед.

Расстояние между ними сократилось до минимума.

Исходящий от Хэ Чжу аромат, словно из безмятежных морских глубин, также стал отчетливее, накатывая подобно приливу, с легкостью захватывая его разум и чувства.

Хотя этот аромат не был сильным, даже едва уловимым и легким, Янь Жунцю все равно ощущал, что пространство вокруг него было нагло захвачено, словно пытаюсь поглотить его.

Голова, казалось, закружилась.

Духи?..

Нет, даже самый искусный парфюмер не смог бы создать такой обманчивый аромат, наполненный прозрачностью, но при этом свежий и острый.

Может, феромоны?

Но, кроме того проклятого мужчины, которого он встретил три года назад и которого готов был убить десять тысяч раз, он никогда не реагировал на феромоны кого-либо еще.

К тому же, разве Хэ Чжу не был самым заурядным бета? Он сам не чувствовал ничего даже к альфам с превосходной конституцией, так как же мог дрогнуть из-за слабых феромонов беты?

Иллюзия? Наверняка иллюзия. Должно быть, он так устал за последнее время, что у него голова пошла кругом, верно?

Наконец Хэ Чжу убрал руку и отступил на шаг.

Тот аромат, подобно отступающей морской воде, постепенно рассеялся вокруг него.

Янь Жунцю с холодным лицом, прислушиваясь к стуку сердца в своих ушах, равнодушно сказал:

— Спасибо.

Хэ Чжу сжал тонкие губы.

— Красиво.

Неизвестно, хвалил ли он тщательно завязанный узел Элдриджа или что-то еще.

В этот момент у входа вдруг раздался слегка насмешливый, чистый и звонкий мужской голос.

— Сяо Цю, так вот ты где.

Хэ Сюнь вошел с букетом белых роз. Его взгляд упал на Янь Жунцю, и в глазах мелькнула нескрываемая восторженность, но, заметив высокого мужчину, стоявшего к нему спиной, он мгновенно насторожился.

— Заранее желаю успеха твоему мероприятию сегодня вечером, — он протянул букет Янь

Жунцю.

Белые розы были свежими и ароматными, с редкими вкраплениями нескольких нежных маленьких цветов, дополненные светло-мятно-зеленой оберточной бумагой и лентой — благородство, сочетающееся со свежестью, что показывало заботливость дарителя.

— Это?

— Он мой новый помощник в этом году, — Янь Жунцю передал букет Хэ Чжу. — Иди занимайся делами, не забудь поручить ответственному за мероприятие на месте в последний раз синхронизировать обновленную программу вечера с ведущим.

Хэ Чжу молча кивнул и быстро вышел через другую дверь.

Заметив, что взгляд Хэ Сюня следил за удаляющейся спиной Хэ Чжу, Янь Жунцю невольно заинтересовался:

— Что такое?

— Нет, просто показалось знакомым, — Хэ Сюнь улыбнулся. — Наверное, видел его во втором сезоне «Дневных игр, ночных прогулок».

— Понятно.

Стоит ли сказать, что у Хэ Сюня острый глаз или он смотрел очень внимательно? Команда программы «Дневные игры, ночные прогулки» действительно иногда давала кадры интересным сотрудникам или зрителям на месте, момент, когда Хэ Чжу помогал разжечь огонь, тоже попал в основной эфир, но всего на одну-две секунды, да еще и в мелькающем общем плане.

— Я впервые в Концертном зале «Лазурное озеро», — Хэ Сюнь взглянул на часы. — Еще есть время, составишь мне компанию прогуляться снаружи?

В коридорах и залах для почетных гостей повсюду были гости в роскошных нарядах, бокалы звенели, мелькали красивые платья и прически, вспышки камер медиа безостановочно сверкали — поистине оживленное зрелище.

— Сегодня из семьи Хэ пришел только ты? А дедушка Хэ и дядя? — спросил Янь Жунцю.

— Угу, — Хэ Сюнь повернулся. — Давно тебя не видел, хотел навестить.

— Вообще-то, мне как раз тоже кое-что нужно сказать тебе, — Янь Жунцю остановился, встал прямо и поднял на него взгляд.

Волшебный свет хрустальной люстры, преломляясь, отбрасывал радужные блики на лицо Янь Жунцю, делая его прекрасным, изысканным, но все более нереальным, словно он мог исчезнуть в любой момент.

Горло Хэ Сюня сжалось, голос стал немного хриплым:

— Говори, я слушаю.

— Хэ Ваньчжи, то есть второй молодой господин Хэ, он недавно возвращался в семью Хэ?

Воздух на мгновение немного застыл, будто окружающий шум и гам были приглушены.

— Он не возвращался, — Хэ Сюнь опустил глаза, улыбка с его губ исчезла, и на изящном лице появилась холодность, а во всей его фигуре — некоторая острая подавляющая сила. — Сяо Цю, он тебя беспокоит?

— Конечно нет, — щеки Янь Жунцю вспыхнули, и он поспешно замахал руками. — Просто хочу попросить тебя...

Его голос резко оборвался, тело сильно задрожало, а лицо стало невероятно бледным — болезненно белым, который не мог спасти даже искусственный румянец, наложенный визажистом.

Впереди пара с эффектной внешностью, невероятно подходящая друг другу, обнявшись под руку, рассекая волны внимания многочисленных гостей, с улыбкой медленно приближалась к ним.

— Давно не виделись, Сяо Жун.

Они раскрыли объятия Янь Жунцю.

— Мы оба по тебе соскучились.

Янь Жунцю изогнул губы в улыбку, его черные влажные глаза прищурились, и он одарил эту пару сияющей улыбкой.

— Отец, мама, давно не виделись.

Его голос звучал как теплый солнечный свет осеннего вечера, словно только что мелькнувшая бледная растерянность была мимолетной иллюзией.

— Я тоже по вам соскучился.

С этими словами он широко раскинул руки и по очереди обнял их, как самая теплая и гармоничная семья на свете.

Но спина Янь Жунцю выдавала его.

Особенно когда он обнимал Янь Мина, вся его спина застыла.

Это была неконтролируемая неприязнь и отвращение.

Супруги еще несколько минут обменялись любезностями с Хэ Сюнем, вероятно, не ожидая, что их сын окажется с ним, оба были довольно рады, атмосфера тоже была хорошей.

— Я сегодня, как только сошел с самолета, был тащим сюда твоей мамой, — с улыбкой сказал Янь Мин Янь Жунцю.

Хотя он уже был немолод, но, живя в роскоши и беззаботности, совсем не постарел, и эта улыбка по-прежнему делала его весьма красивым, даже с большим обаянием зрелости, чем в молодости, что заставляло нескольких гостей часто поглядывать в его сторону.